

Пэй Мин задал свой вопрос резко, но Уинь не рассердился и терпеливо объяснил:

— На мой взгляд, зло бывает трёх видов. Первое — это желания и зависть, рождённые человеческой природой, которые ещё не причинили вреда другим. Второе — зло, которое причиняет вред, но не лишает жизни. Третье — зло, которое убивает. Учение Будды может избавить только от первых двух видов зла.

Уинь сделал паузу. Этот всегда добродушный монах, похожий на воплощение Будды, в этот момент вдруг приобрёл черты гневного божества:

— Учение Будды не спасает крайнее зло. Если убийца останется в живых благодаря милосердию Будды, какое право имеет Будда говорить, что он милосерден? Что все существа равны? Будда милосерден и видит всех равными, поэтому третье зло должно быть искуплено кровью, жизнью того, кто убивает ради своих желаний.

Эти слова пришлись по душе ученикам Врат Меча.

Пэй Мин с интересом продолжил:

— Если зло делится на три вида, то и добро, вероятно, тоже?

Уинь мягко улыбнулся, и гневное выражение его лица исчезло, вернувшись к первоначальному виду милосердного Будды:

— Маленькая грязь может накапливаться, а свет может быть редким. Вред бывает разным, но добро не имеет степеней.

Цзян Цзинсин тихо ахнул:

— Опять началось.

В молодости он уже сталкивался с любовью буддийских практикующих к долгим разговорам. Неизвестно, что именно произошло между ним и буддистами, но он до сих пор не любит лысых.

Видимо, юность Цзян Цзинсина была насыщенной и полной событий, превосходящих жизни других людей.

Тогда он был слишком дерзким, и многие его недолюбливали. Конфуцианцы, не имея желания наводить порядок, вынуждены были относиться к нему снисходительно, а старые учёные могли лишь косвенно его критиковать, так что даже сам Цзян Цзинсин не всегда понимал, о чём речь.

Даосы из Врат Меча и Секты Закона любили тишину; военные, учитывая его отца, тоже не могли много говорить, а их культурный уровень был ниже, чем у конфуцианцев, поэтому они просто молча злились.

Как важно много читать.

В сравнении с этим, буддисты, которые не боялись трудностей, были особенно ценны.

Их мудрые речи заставляли Цзян Цзинсина предпочесть слушать музыку в квартале Пинкан.

Но, несмотря на добрые намерения монахов, Цзян Цзинсин не мог их ни ударить, ни обругать, и научился убегать при виде лысых голов.

Се Жунцзяо, понимая ситуацию, спросил:

— Учитель, может, ещё чашку чая для бодрости?

Цзян Цзинсин невозмутимо ответил:

— На самом деле, Уинь говорит довольно разумно. Не зря его называют наследником Будды.

Пэй Мин, сбитый с толку буддийскими притчами, выглядел растерянным, и Уинь объяснил по-другому:

— Когда наступает потоп, тот, кто обладает великой силой, может перенести горы и заполнить моря, и это будет добродетель. Но и обычный человек, сажающий деревья, тоже совершает доброе дело.

Пэй Мин смутно понял:

— Если бы я мог переносить горы и заполнять моря, я бы обязательно оставил своё имя на самой высокой горе и в самом глубоком море. Как я могу довольствоваться тем, чтобы носить воду и копать землю?

Уинь улыбнулся:

— У тебя большие амбиции, брат.

Пэй Мин, погружённый в мечты о том, чтобы сначала покорить Восточную Пустошь, а затем Западную, был резко возвращён в реальность своим старшим братом Фан Линьхэ:

— Прошу прощения, брат Уинь. Мой младший брат ленив и мечтателен, но редко прикладывает усилия к тренировкам.

Пэй Мин, боясь гнева Фан Линьхэ, внешне не осмелился возразить, но внутри чувствовал обиду, думая, что его старший брат считает его бесполезным и, возможно, даже обвиняет в том, что он зря ел рис Врат Меча все эти годы.

Он решил доказать свою ценность, пообещав себе, что вернётся в Врата Меча и начнёт новую жизнь —

Есть в два раза больше, чем раньше!

В этом смысле Академия Буцзэ подошла бы ему больше, и, возможно, он мог бы с друзьями обойти все закулочные в западной части города.

— Нижняя триграмма — Земля, верхняя — Вода, «Учитель». — Цзян Цзинсин, закончив гадание на монетах, сказал:

— Опасность на пути, но всё закончится благополучно. Это значит, что впереди нас ждут сражения.

Не успел Се Жунцзяо сказать: «Мы идём в Северную Пустошь, конечно, будут сражения», — как снаружи раздался звук быстрых копыт.

Он приложил указательный палец ко лбу, используя Божественное око Феникса, чтобы увидеть происходящее, и чуть не ослеп от густого чёрного тумана, появившегося в нескольких ли

впереди.

Се Жунцзяо вышел из повозки и громко объявил:

— В трёх ли впереди нас ждут демонические культиваторы.

Фан Линьхэ кивнул:

— Благодарю.

— Подготовить мечи!

Магическая формация мечей была активирована.

Главная формация Врат Меча называлась просто «Мечи».

Среди всех магических формаций мечей в мире ни одна не могла сравниться с этой.

Девять человек формировали малую формацию, восемьдесят один — среднюю, семьсот двадцать девять — большую.

Говорили, что если Святой станет центром большой формации, то даже боги и будды отступят перед ней.

В истории Врат Меча эту формацию использовали всего несколько раз, и всегда в трудные времена, когда не было Святого, который мог бы стать центром.

Тем не менее, Врата Меча продолжали существовать.

Три ли для практикующих — это мгновение.

Когда формация была готова, перед ними появилась группа разбойников.

Вожак разбойников зловеще засмеялся:

— Вам не повезло, малыши. Вы только пришли в Северную Пустошь, а уже попались в наши руки.

Цзян Цзинсин возмутился:

— «Учитель» — это же благоприятная гексаграмма.

Лу Биньвэй, услышав это, почувствовал пессимизм и захотел придушить этого позорящего их человека.

Се Жунцзяо, повернувшись к Цзян Цзинсину, сказал:

— Нам повезло. Это должна быть самая благоприятная гексаграмма.

Они ещё не провели ночь в Северной Пустоши, а уже смогли избавиться от этих отбросов. Разве это не самое лучшее предзнаменование?

Он вытащил меч и встал рядом с Фан Линьхэ, который стоял перед формацией.

Рука Се Жунцзяо, держащая меч, была изящной, с запястья до кончиков пальцев, белой, как

снег, словно она могла растаять в грубом ветре Северной Пустоши.

Вожак разбойников, словно следуя сценарию злодея, злобно улыбнулся Се Жунцзяо:

— Какая красивая девушка! Может, останешься и будешь служить нам?

Лу Биньвэй, который наблюдал за ситуацией из повозки, быстро активировал защитную формацию на колеснице.

Он боялся, что Цзян Цзинсин в гневе разрушит всё вокруг.

Если это не было намеренной провокацией, то вожак просто был слеп.

Се Жунцзяо был человеком, чей пол трудно было перепутать.

Но они были в Северной Пустоши.

Здесь, в суровых северных землях, женщины часто были высокими и смуглыми, и в случае войны они брали оружие быстрее мужчин.

Сравнивая их с изысканными юношами с юга, трудно сказать, кто был более мужественным.

Се Жунцзяо не разозлился.

Нет смысла злиться на мертвецов.

Он атаковал быстрее, чем ученики Врат Меча.

Климат Северной Пустоши всегда был суровым, с постоянными ветрами и песком.

Когда Се Жунцзяо вытащил меч, ветер и песок не могли приблизиться к нему на три чи.

Тем более, когда он атаковал?

Песок и ветер на мгновение замерли, словно ослеплённые светом его меча.

Затем свет меча сконцентрировался в одну линию.

Песок и ветер начали дуть в обратную сторону, словно подчиняясь силе меча, усиливая его мощь.

Но это было не нужно.

Даже если свет меча почти исчез в песке.

Вожак презрительно усмехнулся, ожидая, что этот юноша, похожий на цветок, не сможет ничего сделать.

Горячая кровь брызнула на землю.

Свет меча достиг горла первого человека, едва заметный.

К четвертому он был таким же, как в начале.

От момента, когда он вытащил меч, до убийства четырёх человек, прошло мгновение.

Вожак вытащил саблю и громко закричал, его голос и энергия меча поднялись вверх, словно сотрясая облака.

В следующий момент ледяной клинок приблизился к нему, холодный и наполненный смертельной энергией.

Он проник в кости вместе с ветром.

Как и сам Фан Линьхэ.

Фан Линьхэ встретил атаку вожака с непоколебимым спокойствием и крикнул:

— Ученики Врат Меча, к бою!

Двадцать семь мечей пронзили песок, двигаясь среди разбойников.

Свет меча Се Жунцзяо исчез в песке после восьмого убийства.

Разбойники, которые годами скитались по степям, были жестокими и опытными бойцами.

Они не испытывали жалости к своим товарищам, но кровь, пролитая на землю, показала им, что этот юноша был не так прост.

Се Жунцзяо был окружён разбойниками, которые действовали молча.

Видимо, юность Цзян Цзинсина была насыщенной и полной событий, превосходящих жизни других людей. Тогда он был слишком дерзким, и многие его недолюбливали. Конфуцианцы, не имея желаний наводить порядок, вынуждены были относиться к нему снисходительно, а старые учёные могли лишь косвенно его критиковать, так что даже сам Цзян Цзинсин не всегда понимал, о чём речь. Даосы из Врат Меча и Секты Закона любили тишину; военные, учитывая его отца, тоже не могли много говорить, а их культурный уровень был ниже, чем у конфуцианцев, поэтому они просто молча злились. Как важно много читать. В сравнении с этим, буддисты, которые не боялись трудностей, были особенно ценны. Их мудрые речи заставляли Цзян Цзинсина предпочесть слушать музыку в квартале Пинкан. Но, несмотря на добрые намерения монахов, Цзян Цзинсин не мог их ни ударить, ни обругать, и научился убегать при виде лысых голов.

<http://bllate.org/book/16198/1453606>